

Капитолина Антоновна Кокшенева — заметная фигура современного культурного процесса. Будучи литературоведом, театроведом, культурологом, преподавателем, ученым, экспертом, она имеет свой стиль, свой взгляд на вещи — и на протяжении почти трех последних десятилетий мы знакомимся с ее работами, в которых ясно просматривается чуткое и острое внимание к самым значительным тенденциям современности, к творчеству тех, для кого, по слову русского философа П.Е. Астафьева, «душа всего дороже».

Капитолина Кокшенева — критик, давший имя наиболее глубокому и серьезному на сегодняшний день литературному течению — почвенной культуре, которая представляет русский тип художественного творчества и продолжает традицию больших идей, исходящей из догмата «реальности духовной жизни».

Сквозь статьи Капитолины Кокшениевой проступают константы вечного русского мира: семьи, русского характера, русской литературы и критики, русского театра и даже русской кухни.

При этом никакого набившего оскомину псевдопатриотического «плача Ярославны» на стене Русской культуры о ее гибели у критика не было и нет. Первая книга Кокшениевой называлась «Раскольники и собиратели» (1990 г.). Начиная с этой монографии, ей всегда было важно показать, что на фоне доминирования нигилистов и разрушителей всех родов культурных войск проступают совершенно иные задачи: дать голос потаенной России, спрятанной до поры до времени от жадных рук и санкционных глаз «На острове Буяне» (по заглавию романа Веры Галактионовой), — в той России, которая всегда существовала, несмотря на то что ее не хотели ни видеть власти, ни слышать коллеги по цеху, ни знать и звать в СМИ.

Нет сомнения, что без веры в Россию и русскую культуру работать много лет в трудном одиночестве было бы невозможно, поэтому Капитолина Кокшенева не просто верит в жизнеспособность нашей традиции — этого недостаточно для критика такого типа: она, совершая свой творческий акт, предъявляет на-

личие в современной культуре традиции, показывая, что всегда возможно ее развитие, а не только донорская эксплуатация, как в отечественном постмодернизме и посттеатре.

Трезвый ум, цельность взгляда, полнокровная русская лексика, продуманность композиции статей, глубокое и верное восприятие слова, музыки, живописи, отечественного театра доказывают современному читателю, что наша критика в лучших ее проявлениях существует, готова бороться и активно действовать. Как отмечал часто цитируемый Капитолиной Кокшениевой философ Николай Ильин, «дух может жить только в развитии». Это развитие духа мы и находим в книге «С красной строки», представляющей новый виток критики русского типа, редко встречаемой ныне — по-настоящему живой, жизнеутверждающей, страстной, искренней, яркой и наполненной.

Уж если рассуждать о таланте, то обратим внимание на то, что Капитолина Кокшенева проводит очень важную мысль: человеческий талант, художественный дар не воспроизвести никакими технологиями, а уж тем более, перетасовками «художественных кирпичей» не построить крепкий образец, претендующий на право называться художественно значимым. Вот только современные «цитатчики» и «инженеры-конструкторы», проектирующие свое «лего» из отхваченных кусков классики, не могут понять, что искусство не фишки на магнитной доске и целое никогда не будет равно сумме составляющих его частей. Из конструирования всегда получается только монстр, в конечном счете пожирающий своего хозяина.

Именно сегодня, когда растаскиваемая на куски русская культура, история и язык подвергаются ужасающей деформации, у автора «С красной строки» (2015 г.) есть страстное желание сделать что-то для своего народа, для своей культуры, для «очеловечивания человека». «Какая это ответственность — владеть словом!» — утверждает Капитолина Кокшенева, возвращая нас к известным, но печально забытым истинам.

Одна из критических задач Капитолины Кокшениевой состоит в том, чтобы обнажать, описывать механизмы современных культурных практик — без пафоса, «с интеллектуальным скальпелем» рационального понимания, но одновременно с горячим сердцем. Одна из природных характерных черт критика (по признанию самих писателей) — способность «попадать в десятку», то есть максимально точно понимать текст художественного произведения или полотна, умение вживаться в мир образов писателя, художника. Это нелегкая задача — неделями «болеть» чужим произведением, впусив его в собственную душу, затем отринуть или творчески принять, пережить чужой эстетический и этический опыт как свой, найти критические образы — для каждого свои.

Занятие художественной критикой — само по себе редкое дело. Капитолина Кокшениева подходит к этому занятию творчески, самобытно. Такой тип критики сегодня вытесняется журналистской болтовней. Кокшениевой чрезвычайно важно, чтобы критика была умной, объемной, потому буквально каждый «герой», о котором она пишет, помещен в обширное культурное пространство, а произведение рассматривается «с точки зрения вечности», то есть решительно и отважно выведено за пределы злобы дня, которую диктует современность. Как критику ей необходимо предчувствие и предвестие определенных культурологических тенденций — например, она первая использовала термин «геокультура» (культура, выходящая за географические рамки и границы своей страны) в начале 1990-х — теперь этот термин стал общепризнанным. Для нее важна и культурная интуиция, — она всю жизнь оттачивает в себе эстетический вкус и поверяет его головокружительной христианской высотой.

Критик Кокшениева скорее избегает пафоса, хотя не боится высоких слов. Конечно, самоощущение «я тоже часть народа» для нее принципиально важно. Но она никогда не пишет об этом прямо, «в лоб», полагая, что время пафоса (естественное в конце 1980-х — начале 1990-х годов) теперь категорически прошло. Никуда не денешься — и «народ», и «патриотизм» идеологически и «специально перегреты», нагружены официальным контекстом, поэтому ей как критику снова и снова приходится искать сложные внутренние ходы, чтобы описывать народность иными словами. Народ становится «потаенным субъектом истории», который есть в ядре культурной этики Кокшениевой, от связанности с которым она боится отпасть (уйти

в беспочвенный эстетизм), но о котором пишет не «шершавым языком плаката», а с глубоким внутренним чувством.

«Любовь изначально — она прежде речи!» — этот тезис, заявленный в статье «Русское отцовство», проходит через всю книгу, утверждающую жизнь как «накопление любви». Любовь мудрая и оберегающая, ласковая и учительная, многоликая, но всегда выпрямляющая и великая — воспитывает и питает душу.

«Русское отцовство — исполинское!» — поистине всеохватные слова, которые также можно понимать широко — как в лично-семейном смысле, так и во всеобъемлюще-христианском. К «отцовству» вполне органично примыкает образ «женственной женщины», сбережение которого в своем естестве является непреложным условием нравственного возрождения и сохранения жизни. Такие простые и важные вещи помогают выстоять человеку в этом мире. «Семья и семейная любовь исцеляют!» — говорит Капитолина Кокшениева, «старомодно» рассуждая о высокой красоте семейных отношений в век семейного упадка и тотального одиночества.

Но в книге есть и статьи совсем другой тональности, например, о премьере «Пиковой дамы» П.И. Чайковского в московской «Новой опере», о романе Дмитрия Быкова «ЖД», о романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», о рассказе Юрия Буйды «Роза Шмидт. Кто угодно...», о спектакле К. Богомолова «Борис Годунов», о спектаклях Тимофея Кулябина «Онегин» и «Тангейзер». Кто-то из этих деятелей сознательно, а кто-то неосознанно, но все нагло живут за счет образцового, фантастического русского богатства, которое размещено в бескорыстно незапертом сундуке по имени «русская классика».

Будучи театральным критиком с большим стажем, Капитолина Кокшениева показывает современному читателю, что ничуть не современно выглядят попытки новомодных режиссеров, по слову их достойнейшего «отца» Всеволода Мейерхольда, «взбодрить покойничков», то есть дерзко «домыслить» в свете различных новых веяний произведения классиков. Что же получается в результате такого «бодрящего душа», которым окатывают зрителя на постановках? Бессмертные классические произведения, изначально обладающие колоссальным художественным воздействием на душу, несущие сложность и глубину, превращаются в плоские жареные «оладыи», выпечка которых жирна и ловко спорится, а зритель вместо

духовного роста и катарсиса получает «телесные улады», бездумно гогоча в удобном кресле над скачущим Пушкиным, вращающимся в гробу Гоголем, делающим сальто в петле Есениным... Классики оживают в фантазмогорическом пасьянсе, подчиняясь полету режиссерской фантазии, и неостановимый ветер безумия веет над залом, через театральный дым донося запах «дури», скандала и миазмов. Зритель, читатель, слушатель становятся реальными заложниками «авторского видения» классики.

Критик — отнюдь не враг современной культуры, как это пытаются представить оппоненты применительно к почвенному направлению (а попросту «русской критике»; кстати, «Русская критика» — название предыдущей книги Капитолины Кокшeneвой). Напротив, Кокшeneва очень чутко откликается на явления современной культуры, можно сказать, живет в ней, с одной стороны, а с другой — пребывает в вечности классики (русской и мировой). Таким образом, в собственном творчестве она все время пытается увидеть, где есть места «разрыва», а где — области продуктивного напряжения, полагая, что современные формы культуры важны, но уж если мы и берем их, то должны обязательно запустить процессы овнутрения, заполнения своими подлинными смыслами и образными мирами. А это как раз самое трудное — ведь механические переносы и привычные подражания западным образчикам выполняются проще.

Для Капитолины Кокшeneвой в критике очень важно опираться на опыт осуществленности, — обретения жизни в традиции, дающей современному лицу культуры особый оттенок подлинности. Именно поэтому Кокшeneва выстраивает «красный ряд» русской культуры (называет «главных лиц» ее), размещая в нем философа Николая Ильина, писателей Виктора Лихоносова и Веру Галактионову, Николая Калягина и Михаила Тарковского, Захара Прилепина и Петра Краснова, Олега Павлова и Владимира Личутина многих других, говоря о той отечественной человекоберегающей культуре (еще одно точное и емкое определение русской культуры, найденное критиком), которую она называет «театром совести», «литературой земли и неба», «светописью» (говоря о художниках).

Русские классики XX столетия — Валентин Распутин и Василий Белов, Леонид Бородин и Александр Вампилов занимают в культурно-смысловом поле Кокшeneвой значительное место (она упорно отста-

ивает представления о сложной составляющей ядра русской культуры и в советское время).

Культурный меч Капитолины Кокшeneвой — ее естественная реальность, без которой критик — не критик. Отделяя «зерна» от «плевел» (а степень ее творческой и критической интуиции, как нам кажется, высока, и верим, что это подтвердит время), она ведет постоянную полемику с эстетикой глобализма, культурной денационализацией, с идеологией «открытости» (внедренными в «постперестроечное время» для «колониальных государств»). И не потому, что она за «закрытость», скорее — за «сосредоточенность» на родном и против либеральной монополизации культуры, которая сегодня привела к либеральному застою. Отдельные произведения Виктора Ерофеева, Людмилы Улицкой, спектакли Кулябина и Богомолова, деятельность М. Гельмана и И. Прохоровой секутся культурным мечом критика, причем аргументированно, умно-иронично, с колоссальной эстетической и интеллектуальной оснащенностью.

Оппонентам никак не удастся превратить критика в «замшелого консерватора», остается воспользоваться самым вульгарным приемом борьбы — наклеиванием ярлыка. Вот и навязывали десятки лет в профессиональном цехе образ Капитолины Кокшeneвой — не то «начальника православного Гулага», не то — идеолога, желающего «подморозить» современную культуру. И никто по существу так и не дал ей отпор, потому что для этого надо быть умнее, обладать большим объемом исторического, философского и искусствоведческого знания, иметь колоссальный багаж эстетического переживания современной художественной реальности. То есть быть критиком-мыслителем, кем по существу является Капитолина Кокшeneва. Слишком сложна она для критической узости, установившейся в «трендовом» креативном и бескорневом сообществе профессионалов «своей конюшни».

Книга «С красной строки» очищает и просветляет душу. Хотя написана она в духе воинственном (как нужны нам такие «боевые книги»!), но по своему общему влиянию «умягчает» черствую натуру, дарит луч надежды на процветание нашего Отечества, показывает направление для деятельных умов, жаждущих возрождения русской культуры. Общий вектор книги, нацеленной на дух, смысл и традицию в лучших проявлениях, возвышает личность читателя. ■